

Рассказы Е. А. Пермяка

Пичугин мост

По пути в школу ребята любили разговаривать о подвигах.

— Хорошо бы, — говорит один, — на пожаре ребёнка спасти!

— Даже самую большую щуку поймать — и то хорошо, — мечтает второй. — Сразу про тебя узнают.

— Лучше всего на Луну полететь, — говорит третий мальчик. — Тогда уж во всех странах будут знать.

А Сема Пичугин ни о чём таком не думал. Он рос мальчиком тихим и молчаливым.

Как и все ребята, Сема любил ходить в школу короткой дорогой через речку Быстрянку. Эта маленькая речка текла в крутых бережках, и перескакивать через неё было очень трудно. В

прошлом году один школьник не доскочил до того берега и сорвался. В больнице даже лежал. А этой зимой две девочки переходили речку по первому льду и оступились. Повымокли. И тоже крику всякого было много.

Ребятам запретили ходить короткой дорогой. А как длинной пойдёшь, когда короткая есть!

Вот и задумал Сема Пичугин старую ветлу с этого берега на тот уронить. Топор у него был хороший. Дедушкой точеный. И стал он рубить им ветлу.

Нелёгким оказалось это дело. Уж очень была толста ветла. Вдвоём не обхватишь. Только на второй день рухнуло дерево. Рухнуло и легло через речку.

Теперь нужно было обрубить у ветлы ветви. Они путались под ногами и мешали ходить. Но когда обрубил их Сема, ходить стало ещё труднее. Держаться не за что. Того гляди, упадёшь. Особенно если снег.

Решил Сема приладить перильца из жердей. Дед помог.

Хороший мостишко получился. Теперь не только ребята, но и все другие жители стали ходить из села в село короткой дорогой. Чуть кто в обход пойдёт, ему обязательно скажут:

— Да куда ты идёшь за семь вёрст киселя хлебать! Иди напрямиком через Пичугин мост.

Так и стали его называть Семиной фамилией — Пичугин мост. Когда же ветла прогнила и ходить по ней стало опасно, колхоз настоящий мосток перекинул. Из хороших брёвен. А название мосту осталось прежнее — Пичугин.

Вскоре и этот мост заменили. Стали спрямлять шоссейную дорогу. Прошла дорога через речку Быстрянку, по той самой короткой тропинке, по которой ребята бегали в школу.

Большой мост возвели. С чугунными перилами. Такому можно было дать громкое название. Бетонный, скажем... Или какое-нибудь ещё. А его все по-старому называют — Пичугин мост. И никому даже в голову не приходит, что этот мост можно назвать как-то по-другому. Вот оно как в жизни случается.

Самое страшное

Вова рос крепким и сильным мальчиком. Все боялись его. Да и как не бояться такого! Товарищей он бил. В девочек из рогатки стрелял. Взрослым рожи строил. Собаке Пушку на хвост наступал. Коту Мурзею усы выдёргивал. Колючего ёжика под шкаф загонял. Даже своей бабушке грубил.

Никого не боялся Вова. Ничего ему страшно не было. И этим он очень гордился. Гордился, да недолго.

Настал такой день, когда мальчики не захотели с ним играть. Оставили его — и всё. Он к девочкам побежал. Но и девочки, даже самые добрые, тоже от него отвернулись.

Кинулся тогда Вова к Пушку, а тот на улицу убежал. Хотел Вова с котом Мурзеем поиграть, а кот на шкаф забрался и недобрыми зелёными глазами на мальчика смотрит. Сердится.

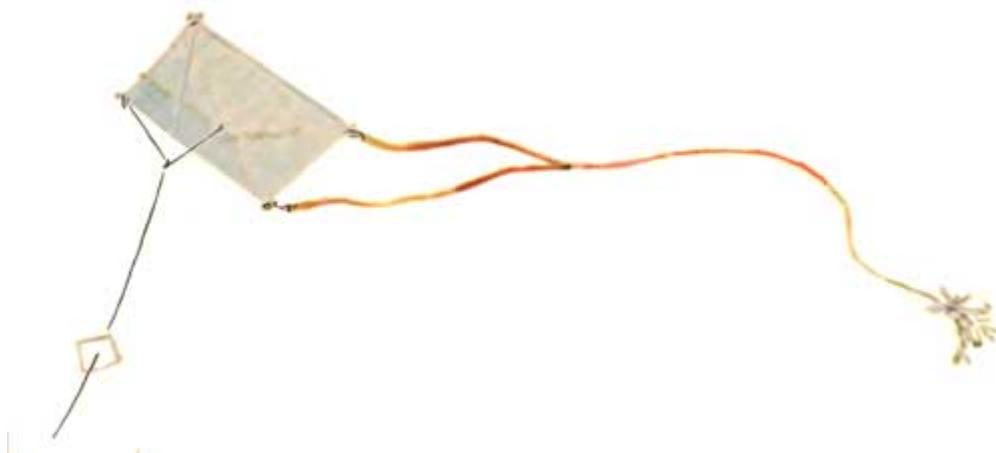
Решил Вова из-под шкафа ёжика выманить. Куда там! Ёжик давно в другой дом жить перебрался.

Подошёл было Вова к бабушке. Обиженная бабушка даже глаз не подняла на внука. Сидит старенькая в уголке, чулок вяжет да слезинки утирает.

Наступило самое страшное из самого страшного, какое только бывает на свете: Вова остался один.

Один-одинёшенек!

Бумажный змей

Хороший ветерок подул. Ровный. В такой ветер бумажный змей высоко летает. Туго нитку натягивает. Весело мочальный хвост развеивает. Красота!

Задумал Боря своего змея сделать. Лист бумаги у него был. И дранки он выстрогал. Да не доставало мочала на хвост да ниток, на которых змеев пускают.

А у Семы большой моток ниток. Ему есть на чем змеев пускать. Если бы он лист бумаги да мочала на хвост достал, тоже бы своего змея запустил.

Мочало у Пети было. Он его для змея припас. Ниток только ему не хватало да бумажного листа с дранками.

У всех все есть, а у каждого чего-нибудь да не хватает.

Сидят мальчишки на пригорке и горюют. Боря свой лист с дранками к груди прижимает. Сема свои нитки в кулак зажал. Петя свое мочало за пазухой прячет.

Хороший ветерок дует. Ровный. Высоко в небо дружные ребята змея запустили. Весело он мочальный хвост развеивает. Туго нитку натягивает. Красота!

Боря, Сема и Петя тоже бы такой змей могли запустить. Даже лучше. Только дружить они еще не научились — вот в чем беда.

Филя

Хвалился Филя, что он все может делать. Все умеет.

Заставили Филю траву косить. Весь день Филя косил. Ничего не накошил. Только время потерял.

— Как же это ты, Филя, оплошал?

— Коса тупа и коса, — отвечает Филя, — то в землю норовит воткнуться, то поверх травы косит. Я лучше коров буду пасти.

Стал Филя коров пасти. Разбрелось стадо. Еле собрали.

— Как же это ты, Филя, оплошал?

— А это не я оплошал, — отвечает Филя. — Это хозяева. Они ноги коровам не связали. А как их несвязанных пасти? Разбредаются. Я лучше баркас буду водить. В рулевые пойду.

Стал Филя баркас водить. Баркас туда-сюда рыскает. Рыскал, рыскал да и сел на мель.

— Как же это ты, Филя, оплошал?

— Клина не дали, — отвечает Филя.

— Какого клина, Филенька?

— Того, которым руль заклинивают, чтобы баркас туда-сюда не поворачивал. Я лучше на скрипке играть стану.

Стал Филя на скрипке играть. Собаки на селе завывали, кошки по чердакам попрятались. Люди на улицу выбежали.

— Ты что это, Филя, народ полошишь? Зачем хвастал, что все можешь?

— Да глазами-то я все что хочешь сделать могу, только руки меня не слушаются. Они во всем виноваты, а не я.

Опять Филя отговорился и правым оказался. Но работы верхогляду с тех пор никто больше не доверял.

Кто?

Заспорили как-то три девочки, кто из них лучшей первоклассницей будет.

— Я буду лучшей первоклассницей, — говорит Люся, — потому что мне мама уже школьную сумку купила.

— Нет, я буду лучшей первоклассницей, — сказала Катя. — Мне мама форменное платье с белым фартучком сшила.

— Нет, я... Нет, я, — спорит с подругами Леночка. — У меня не только школьная сумка и пенал, не только форменное платье с белым

фартуком есть, мне еще две белые ленточки в косички подарили.

Спорили так девочки, спорили — охрипли. К подружке побежали. К Маше. Пусть она скажет, кто из них самой лучшей первоклассницей будет.

Пришли к Маше, а Маша за букварем сидит.

— Не знаю я, девочки, кто самой лучшей первоклассницей будет, — ответила Маша. — Некогда мне. Я сегодня должна еще три буквы выучить.

— А зачем? — спрашивают девочки.

— А затем, чтобы самой плохой, самой последней первоклассницей не оказаться, — сказала Маша и принялась снова читать букварь.

Притихли Люся, Катя и Леночка. Не стали больше спорить, кто лучшей первоклассницей будет. И так ясно.

Дедушкины очки

У деда внук был. Не ахти какой самоцвет — парень и парень. Только старик очень внука любил. И как не любить, когда он — дедушкин портрет, бабушкина улыбка, сыновняя кровь, невесткина бровь и ее же румянец.

Отец, мать на работе, а внук при дедушке.

Старик сам на всю семью валенки подшивал и сапожничал по домашности. Внук около деда вертится — хочет узнать, что к чему. Глазами дедушке помогает. И руками подсобить не отказывается.

Провоцит, скажем, дедушка дратву, а щетинку в ее конец не может воскать.

— Дай, дедушка, я воску. Ты плохо видишь.

— Да воскешь ли, внук? Дело хоть простое, а трудное.

Час, другой, третий бьется внук, а научится. И так всегда.

— Ах ты, дедушкины очки! — скажет старик. — При тебе и без глаз остаться не боязно. Увижу.

Подопрели как-то у старой избы нижние венцы. Менять надо.

— Давай, внук, сами венцы сменим.

— Давай, — отвечает внук. — Только я, дедушка, никогда этого не делывал.

— Не беда, — отвечает дед. — Были бы глаза, а руки при хороших глазах что хочешь сделают. Тащи пилу. Точить будем. Развод зубьям хороший дадим.

Притащил внук пилу и побаивается, чтобы дед руки не повредил.

— Я сам, дедушка. Только ты мне показывай, как зубья разводять, как напильник при точке держать.

Показал дед, как развод зубьям давать, как напильник держать. Поторопился внук — поранился маленько. А дедушка палец перевязывает да и говорит:

— Пила-топор торопливых не милуют. А мы их терпением обманем да сноровкой перехитрим.

Обманул внук пилу терпением, топор сноровкой перехитрил. Выточил так, что они в дерево, как нож в масло, идут.

— Пойдем теперь, внук, в лес дерева на венцы валить. Только побереги меня, Вася, в лесу от смерти.

— От какой смерти, дедушка?

— Деревя знаешь какие вредные? От себя валишь, а на тебя упадут. Боюсь, как бы меня какое дерево не прихлопнуло. Я ведь еще хуже видеть стал.

— Ничего, дедушка. Зато я в оба глаза буду глядеть.

Пришли в лес. Дедушка показывать начал, как запил зарубать, куда наклон у дерева, как по ветру дерево валить.

Хорошо с делом справляется внук — деда оберегает. Сторожко, с умом дерева валит, ноги бережет.

Пришло время венцы подводить. Дед опять на глаза жалуется:

— Васенька, ты теперь уж вовсе моими очками стал. Гляди, а я рассказывать буду.

Рассказал дед, как бревно замерять, как паз в бревне выбирать, как угол в лапу рубить.

Старается внук. Что дедушка говорит, то и делает. А старик на ощупь руками проверяет, где и что не так — указывает. Подвел внук венцы, новым мохом пазы проложил, проконопатил. Васины отец-мать диву дались.

— Как это ты все можешь, сын?

А Вася им:

— Да это не я, а дедушка.

Прошло сколько-то там времени, дед пуще прежнего на глаза жаловаться стал.

— Не могу я, Василий, без работы жить. Руки без дела слепнут, душа старится, сердце останавливается.

А внук припал к дедушке и давай его обнадеживать:

— Не горюй, дедушка. Я за двоих вижу. Моих глаз нам на обоих хватит. Давай работать. Ты только говори, а я сам увижу.

Работают дед и внук. В два глаза глядят, в четыре руки мастерят. Печи перекладывают, трубы выводят, рамы стеклят, полы стелют, крыши щепой кроют. Нарасхват мастера.

Как-то они навесы к рамам привертывали, и внук отвертку потерял. Искал, искал — не может найти. А дед ему:

— Да вон она, Васенька, в стружке лежит.

— Это как же ты, дедушка, увидел ее?

— Видно, внук, глаза от работы прозревать начали.

— Может быть, и бывает так, только я не слыхал, чтобы к старости глаза лучше видеть начинали.

Опять прошла неделя, другая. Тонкую работу дед с внуком взяли. Старинный узор в барском доме для колхозной чайной нанялись подправлять.

— Ты, — говорит внук, — сиди, дедушка, это не по твоим глазам, а я прожилки у листочков наводить буду.

Стал внук прожилки кисточкой выписывать, а дед и говорит:

— Васька, да ты это что? Прожилки листам надо во всю их живую силу давать, а ты их тоньше волоса выводишь.

Слез Василий с подмостей и спрашивает:

— Как это ты, дед, с полу прожилки на листах можешь видеть, когда я их плохо разглядываю?

А дедушка не потерялся да и говорит:

— Молод еще, значит, мастер. Не можешь пока без дедушкиных очков работать.

Тогда внук и спрашивает:

— Так кто же для кого очки? Ты для меня или я для тебя?

— А это уж тебе, внучек, лучше знать.

Понял тогда Василий про дедову слепоту. Обнял старика:

— Хитрый ты у меня, дедушка. Беда какой хитрый!

А старик на это, не таясь, отвечает:

— Если деду хитрому не быть, так откуда внуку умному да работающему вырасти?

Много лет прошло. Громко Василий работать начал. Во всю силу его трудовая слава зацвела. Василием Петровичем величать стали, редким мастером. Когда же состарился он, сам стал молодым мастерам хитрые «дедушкины очки» надевать. Чтобы глубже свое дело видели да на работу шире смотрели.

Волшебные краски

Один раз в сто лет, в ночь под Новый год, самый добрый из всех самых добрых стариков, Дед Мороз, приносит семь волшебных красок. Этими красками можно нарисовать все, что захочешь, и нарисованное оживет.

Хочешь — нарисуй стадо коров и потом паси их. Хочешь — нарисуй корабль и плыви на нем. Или звездолет и лети к звездам. А если тебе нужно нарисовать что-нибудь попроще, например стул, — пожалуйста. Нарисуй и садись на него.

Эти краски Дед Мороз приносит самому доброму из всех самых добрых детей. И это понятно. Если такие краски попадут в руки злому мальчику или злой девочке, они могут натворить много бед. Пририсуют человеку второй нос, и будет человек двуносым. Нарисуют собаке рога, курице — усы, а кошке — горб, и будет собака рогатой, курица — усатой, а кошка — горбатой.

Поэтому Дед Мороз очень долго выбирает, кому из детей подарить волшебные краски.

В последний раз он подарил их одному очень доброму мальчику. Самому доброму из самых добрых.

Мальчик очень обрадовался подарку и тут же принялся рисовать. Он нарисовал бабушке теплый платок, маме — нарядное платье, а отцу — охотничье ружье. Слепому старику мальчик нарисовал глаза, а своим товарищам — большую-пребольшую школу.

Но никто не мог воспользоваться нарисованным. Платок для бабушки был похож на тряпку для мытья полов, а платье, нарисованное матери, оказалось таким кособоким, пестрым и мешковатым, что она его не захотела даже примерить. Ружье ничем не отличалось от дубины. Глаза для слепого напоминали две голубые кляксы, и он не мог ими видеть. А школа, которую очень усердно рисовал мальчик, получилась до того уродливой, что к ней даже боялись подходить близко.

На улице появились деревья, похожие на метелки. Появились лошади с проволочными ногами, автомобили с кривыми колесами, дома с падающими стенами и крышами набекрень, шубы и пальто, у которых один рукав был длиннее другого... Появились тысячи

вещей, которыми нельзя было воспользоваться. И люди ужаснулись:

— Как ты мог сотворить столько зла, самый добрый из всех самых добрых мальчиков?!

И мальчик заплакал. Ему так хотелось сделать людей счастливыми!.. Но он не умел рисовать и только зря извел краски.

Мальчик плакал так громко, что его услышал самый добрый из всех самых добрых стариков — Дед Мороз. Услышал, и вернулся к нему, и положил перед мальчиком новую коробку с красками:

— Только это, мой друг, простые краски. Но они могут тоже стать волшебными, если ты этого очень захочешь.

Так сказал Дед Мороз и удалился.

А мальчик задумался. Как же сделать, чтобы простые краски стали волшебными и чтобы они радовали людей, а не приносили им несчастье? Добрый мальчик достал кисть и принялся рисовать.

Он рисовал, не разгибаясь, весь день и весь вечер. Он рисовал и на другой, и на третий, и на четвертый день. Рисовал до тех пор, пока не кончились краски. Тогда он попросил новые.

Прошел год... Прошло два года... Прошло много-много лет. Мальчик стал взрослым, но по-прежнему не расставался с красками. Глаза его стали зоркими, руки умелыми, и теперь на его рисунках вместо кривых домов с падающими стенами красовались высокие, светлые здания, а вместо платьев, похожих на мешки, — яркие, нарядные одежды.

Мальчик не заметил, как стал настоящим художником. Он рисовал все, что было вокруг, и то, что еще никто никогда не видел:

самолеты, похожие на огромные стрелы, и корабли, похожие на самолеты, воздушные мосты и дворцы из стекла.

Люди с удивлением смотрели на его рисунки, но никто не ужасался. Наоборот, все радовались и восхищались.

— Какие чудесные картины! Какие волшебные краски! — говорили они, хотя краски были самые обыкновенные.

Картины и вправду были так хороши, что людям захотелось их оживить. И вот настали счастливые дни, когда нарисованное на бумаге стало переходить в жизнь: и дворцы из стекла, и воздушные мосты, и крылатые корабли...

Так случается на белом свете. Так случается не только с красками, но и с обыкновенным топором или швейной иглой и даже с простой глиной. Так случается со всем, к чему прикасаются руки самого великого из самых великих волшебников — руки трудолюбивого, настойчивого человека.

Хитрый коврик

Умной Машенька росла, да не все понимала.

Пошла она как-то в лес и ужалилась о Крапиву.

— Ах ты, такая-сякая, колючая. Зачем только ты на свете живёшь? Один вред от тебя!

А Крапива рассмеялась на это и сказала:

— Так и о пчеле можно только по жалу судить. А пчела ведь ещё и мёд даёт.

Тут Маша как крикнет на весь лес:

— Да как ты можешь, бездельница, себя с пчелой-труженицей сравнивать!

— Вот что, — говорит Крапива, — приходи сюда осенью, я тебе ума-разума добавлю.

Не верилось Машеньке, что у Крапивы можно ума-разума набраться, но пришла. А вдруг да Крапива что-то дельное скажет?

А Крапива пожелтела по осени.

Состарилась. Голос у нее стал скрипучий, жёсткий.

— Добудь, Машенька, рукавички, — говорит Крапива, — да выдергай меня и свяжи в пучки.

Надела Машенька рукавички, выдергала Крапиву и связала в пучки.

— А теперь, — говорит Крапива, — вымочи меня в речке и потом подсуши.

Вымочила Маша Крапиву, подсушила и спрашивает:

— Ещё что придумаешь?

— Теперь, — говорит Крапива, — ломай мои стебли, мни, выколачивай из них лишнее... А дальше сама увидишь...

Опять Машенька сделала всё то, что Крапива просила, и получилось длинное, прочное крапивное волокно.

Задумалась Маша, а потом решила: коли есть волокно, из него можно нитки спрясть.

Спряла Маша нитки и снова задумалась. Думала, думала и решила из ниток коврик вы ткать. Вы ткала она коврик и вышила на нём зелёными нитками молодую весёлую крапиву.

Повесила Маша коврик на стенку и сказала:

— Спасибо тебе, Крапива, что ты мне ума-разума добавила.

Теперь-то уж я знаю, что не всё на свете пустое да негодное, что пустым да негодным кажется.

И стала с тех пор Маша обо всём думать, во всё вникать, везде, в каждой мелочи для людей пользу выискивать. И выискала. Даже в змеином яде, в белой плесени целебную силу нашла.

А когда состарилась Маша и стала бабушкой — свой крапивный коврик малым детям завещала:

— Поглядывайте, внучата, на хитрый коврик да умишком раскидывайте. Не всё на ведь ещё на свете открыто да найдено.

Раки

Речка Берёзовка хоть и маленькая, да рыбная. А вот раков в Берёзовке не было. Перевелись, да и всё.

— В старые годы, когда мы мальчишками были, по сотне, по две раков из Берёзовки добывали, — рассказывал Ванин дедушка.

И Тишина бабушка говорила то же самое.

А в соседней речке Вертушинке раки не переводились. Только ходить туда было далеко. Через лес да ещё через болото.

Как-то Тиша сказал Ване:

— Давай, Ванёк, наловим по корзинке вертушинских раков да и выпустим их в нашу Берёзовку.

— А зачем? — спросил Ваня.

— Чтобы они опять развелись.

— Да пока они разведутся, их ребята всех до одного поволоют.

Не стал спорить Тиша, хоть и знал, что нельзя всех раков выловить. Пусть сотня, да останется. А эта сотня столько икры вымечет, что раков потом и не сосчитаешь.

На этом и кончился разговор.

Прошёл год... Ваня и Тиша уже в третий класс перешли. И, как раньше, в свободное время удили рыбу.

Как-то закинул Ваня крючок на ерша, а поймал озорного рачонка.

— Тиша! — закричал Ваня. — У нас в речке раки сами собой развелись!

Тиша увидел молоденького рачонка и больше Вани обрадовался. Значит, не зря он прошлым летом на Вертушинку ходил. Один. Через лес да ещё через болото.

Смородинка

Танюша много слышала о черенках, а что это такое — не знала.

Однажды отец принёс пучок зелёных прутьев и сказал: — Это смородиновые черенки. Будем, Танюша, смородину сажать.

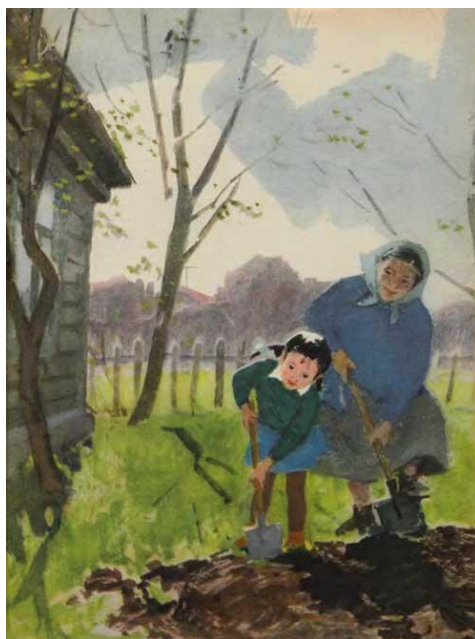
Стала Таня разглядывать черенки. Палочки как палочки — чуть длиннее карандаша. Удивилась Танюша:

— Как же из этих палочек вырастет смородина, когда у них нет ни корешков, ни веточек?

А отец отвечает:

— Зато на них почки есть. Из нижних почек пойдут корешки. А вот из этой, верхней, вырастет смородиновый куст.

Не верилось Танюше, что маленькая почка может стать большим кустом. И решила проверить. Сама решила смородинку вырастить. В палисаднике. Перед избой, под самыми окнами. А там лопухи с репейником росли. Да такие цепкие, что и не сразу выкопешь их.

Бабушка помогла. Пovýдергали они лопухи да репейники, и принялась Танюша землю вскапывать. Нелёгкая это работа. Сперва надо дёрн снять, потом комья разбить. А дёрн у земли толстый да жёсткий. И комья твёрдые.

Много пришлось поработать Тане, пока земля покорилась. Мягкой стала да рыхлой.

Разметила Таня шнурком и колышками вскопанную землю. Всё сделала, как отец велел, и посадила рядками смородиновые черенки. Посадила и принялась ждать.

Пришёл долгожданный день. Проклюнулись из почек ростки, а вскоре появились и листочки.

К осени из ростков поднялись небольшие кустики. А ещё через год они зацвели и дали первые ягоды. По маленькой горсточке с каждого куста.

Довольна Таня, что сама смородину вырастила. И люди радуются, глядя на девочку:

— Вот какая хорошая «смородинка» у Калинниковых растёт. Настойчивая. Работящая. Черноглазая, с белой ленточкой в косе.

Первая рыбка

Юра жил в большой и дружной семье. Все в этой семье работали. Только один Юра не работал. Ему всего пять лет было.

Один раз поехала Юрина семья рыбу ловить и уху варить. Много рыбы поймали и всю бабушке отдали. Юра тоже одну рыбку поймал. Ерша. И тоже бабушке

отдал. Для ухи.

Сварила бабушка уху. Вся семья на берегу вокруг котелка уселась и давай уху нахваливать:

— От того наша уха вкусна, что Юра большущего ерша поймал. Потому наша уха жирна да навариста, что ершище жирнее сома.

А Юра хоть и маленький был, а понимал, что взрослые шутят. Велик ли навар от крохотного ершишки? Но он всё равно радовался. Радовался потому, что в большой семейной ухе была и его маленькая рыбка.

Торопливый ножик

Строгал Митя палочку, строгал да бросил. Косая палочка получилась. Неровная. Некрасивая.

— Как же это так? — спрашивает Митю отец.

— Ножик плохой, — отвечает Митя, — косо строгает.

— Да нет, — говорит отец, — ножик хороший. Он только торопливый. Его нужно терпению выучить.

— А как? — спрашивает Митя.

— А вот так, — сказал отец.

Взял палочку да принялся ее строгать потихонечку, полегонечку, осторожно. Понял Митя, как нужно ножик терпению учить, и тоже стал строгать потихонечку, полегонечку, осторожно. Долго торопливый ножик не хотел слушаться. Торопился: то вкривь, то вкось норовил вильнуть,

да не вышло. Заставил его Митя терпеливым быть.

Хорошо стал строгать ножик. Ровно. Красиво. Послушно.

Как Маша стала большой

Маленькая Маша очень хотела вырасти. Очень. А как это сделать, она не знала. Всё перепробовала. И в маминых туфлях ходила. И в бабушкином капоте сидела. И причёску, как у тети Кати, делала. И бусы примеряла. И часы на руку надевала.

Ничего не получалось. Только смеялись над ней да подшучивали

Один раз как-то Маша вздумала пол подметать. И подмела. Да так хорошо подмела, что даже мама удивилась:

— Машенька! Да неужели ты у нас большая становишься?

А когда Маша чисто-начисто вымыла посуду да сухо-насухо вытерла её, тогда не только мама, но и отец удивился. Удивился и при всех за столом сказал:

— Мы и не заметили, как у нас Мария выросла. Не только пол метёт, но и посуду моет.

Теперь все маленькую Машу называют большой. И она себя взрослой чувствует, хотя и ходит в своих крошечных туфельках и в коротеньком платице. Без причёски. Без бус. Без часов.

Не они, видно, маленьких большими делают.

Птичьи домики

Вася и Ваня ещё в третьем классе решили стать строителями. Большие дома решили строить. Но это ещё не скоро будет. А строить хочется.

Вот и придумали два товарища с маленьких домов начинать. С птичьих домиков.

Хоть и прост дом для скворцов, а строить его не просто. В прошлом году ребята много наделали скворечниц, да только

скворцы не стали в них жить. Со щелями оказались домики. И гвозди внутри торчали. А скворцы — птицы разборчивые: не во всяком доме живут.

Знают это Вася и Ваня. Доски остругивают гладко. Сколачивают их плотно, чтобы ни одной щели не осталось. И гвозди аккуратно вбивают.

Сразу видно — хорошие строители вырастут из этих ребят. И дома,

которые построят Вася и Ваня, будут такими же прочными и удобными, как и птичьи домики.

Большие мастера видны и в ребячьих делах...

Славка

У агронома в колхозе подрастал сын Славик. Когда мальчику исполнилось шесть лет, он заявил отцу:

– Папа, я тоже хочу быть агрономом. Я тоже, как ты, хочу выращивать хорошую пшеницу.

– Это очень приятно, – согласился отец. – Давай я отведу тебе поле.

И агроном отвёл своему сыну поле в палисаднике перед окнами дома, где они жили. Поле мальчику показалось очень небольшим. Оно было в один метр длиной и в один метр шириной – квадратный метр.

– Это не беда, – сказал отец. – И на этом поле можно вырастить знаменитую пшеницу.

Вскоре мальчику было показано, как нужно рыхлить землю, на какую глубину засеять маленькую пашню пшеничным зерном и как нужно за ней ухаживать.

Когда появились всходы, Славик очень обрадовался. Он тщательно пропалывал их, а когда земля подсыхала, поливал своё крошечное поле из маленькой лейки.

Пришло время убирать урожай. Славик вместе с отцом срезал колосья, а затем занялся молотьюбой. Молотили дома, на столе. Молотили карандашом, выбирая из каждого колоска зёрна.

Зёрен оказалось много. Ими можно было засеять всю землю

палисадника.

Но отец сказал:

– Давай посеем только лучшие зёрна.

И Славик стал отбирать лучшие зёрна пшеницы – самые большие, самые пузатенькие. Нелегко было перебрать весь урожай. Не один час потратил Славик в долгие зимние вечера на сортировку зерна. Лучшие взял для семян, а остальные скормил уткам.

Пришла весна. Весной Славик снова перебрал отобранные семена и снова вместе с отцом взрыхлил и удобрил своё маленькое поле. Теперь уже отец работал меньше и меньше указывал.

Весело зазеленели всходы. Выше поднялись стебли. И понятно почему: поле было засеяно лучшими из лучших семенами. А когда появились большие колосья и стали наливаться тяжёлым зерном, Славик часами просиживал у своего поля. Он не мог дождаться урожая. Очень ему хотелось узнать, каким будет на этот год зерно.

Но однажды пошёл дождь с крупным градом. И Славик заплакал. Он боялся, что град погубит урожай, а поле закрыть было нечем. Но бабушка бросила через окно большой отцовский зонт, и мальчик раскрыл его над полем. Град больно хлестал Славика, потому что сам то он был не под зонтом. Он держал зонт на вытянутой руке над своим полем. Из глаз Славика катились слёзы. Но Славик не уступил граду, не ушёл с поля.

– Ты настоящий мужчина, – сказал ему отец. – Только так и можно было защитить дорогие семена.

Чудесный урожай собрал Славик на вторую осень.

Теперь он уже знал, как нужно подсушить колосья, как их обмолотить, легонечко постукивая по ним карандашиком. Не

дожидаясь совета отца, Славик отобрал самые крупные зёрна. Их нельзя было сравнить с прошлогодними. Те были куда мельче и легче.

На третий год Славик засеял поле самостоятельно. Он хорошо удобрил землю. Хорошо взрыхлил и засеял два квадратных метра. Он переходил уже во второй класс, и ему было под силу справиться с таким опытным полем. И он справился. К тому же помогал школьный товарищ.

Намолотив осенью достаточно пшеницы, мальчик пригласил сортировать зёрна друзей из своего класса, и те предложили Славику засеять большое поле.

Сказано – сделано. Весной ребята огородили большое поле в школьном саду – поле в десять метров длиной и в два метра шириной.

Славика ребята избрали главным агрономом и слушались его во всём. Кропотливо рыхлили землю и пололи сорняки.

Летом пшеница заколосилась ещё лучше, чем в прошлые годы. Заколосилась так, что на неё обратили внимание старики колхозники. Какая это была радость!

Однажды председатель колхоза сказал шутливо Славику:

– Товарищ главный агроном, продай колхозу урожай на семена.

Славик покраснел. Ему показалось, что председатель смеётся над его полем. А председатель не смеялся. Осенью он пришёл на обмолот урожая. Урожай теперь молотили почти всем классом Славика. Молотили в тридцать два карандаша.

– Давайте, молодые семеноводы, засеем этим хорошим зерном большое поле. Вместе, – предложил председатель.

Ребята согласились. И вот наступил пятый год. Ребята вышли на сев вместе с колхозниками. И вскоре был снят пятый урожай. Теперь его уже нельзя было обмолотить даже тысячей карандашей. Молотили на току, по старинке, ударяя колосьями по плетёному корбу. Боялись повредить зёрна.

На шестой год было засеяно огромное поле. А на седьмой и на восьмой новым, чистосортным пшеничным зерном засеивались поля соседних колхозов. За ним приезжали издалека. Но всех немислимо было оделить семенами этого нового, урожайного сорта пшеницы. Давали семян по горсти, по две. Приезжие благодарили и за это.

... Когда я приехал в колхоз, мне показали эту отличную пшеницу и сказали:

– Это новый сорт пшеницы. Называется этот сорт «славка».

Тогда я спросил, почему так называется эта пшеница и откуда взялось это название. Может быть, от слова «слава» или «славная»?

– Да нет, нет, – ответил председатель. – Она так называется от имени Вячеслав, которого в детстве звали Славиком, а попросту – Славкой. Я познакомлю вас с ним.

И меня познакомили с высоким голубоглазым застенчивым юношей.

Он был очень смущён, когда я его стал расспрашивать о пшенице, а потом рассказал историю этой пшеницы, начиная с первого урожая в палисаднике.

Чужая калитка

Алёша Хомутов рос мальчиком старательным, заботливым и работающим. Его очень любили в семье, но больше всех Алёшу любил дедушка, любил и, как мог, помогал ему расти хорошим человеком. Не баловал дед внука, но и не отказывал в том, в чём можно не отказать.

Попросит Алёша научить его ловушки на хорьков ставить – пожалуйста. Трудно ли деду показать, как эти ловушки ставятся! Дрова пилить вздумает Алёша – милости просим! Дед за одну ручку пилы держится, внук – за другую. Помучится парень, да научится.

Так и во всём... Красить ли крылечко задумает малец, огурцы ли на окошке в ящике выращивать – дедушка ни в чём не отказывал. Одного только от внука требовал:

– Коли берёшься за дело – доводи его до конца. А если видишь, что дело тебе не по рукам, – подожди, когда вырастешь.

Вот так и жил Алёша. Всех в своей большой семье радовал и сам радовался, настоящим человеком себя чувствовал, и другие его таким же называли.

Хорошо на свете жить, когда тебя люди хвалят, когда всё тебе удаётся. Даже в пасмурный день на душе светло и весело. Но как то и с удачливым Алёшей случилось такое, что пришлось призадуматься...

А всё началось с того, что пошёл он с дедом в лес тетеревов добывать. А дорога в лес шла через садовый питомник, где выращивались молодые деревца. Питомник был хорошо огорожен. Потому что и стадо может забрести да повытоптать саженцы. И лосей теперь столько развелось, что они даже в село, как домой,

приходят. А уж про зайцев и говорить нечего – обгложут кору молодых яблонек или груш – и конец.

Пришёл Алёша с дедом к питомнику и видит, что калитка открыта. Хлопает калитка на ветру. Щеколда у калитки оторвалась. Заметил это Алёша и говорит дедушке, как взрослый:

– Хозяева тоже мне... Пустое дело на три шурупа щеколду привернуть, а не хотят... Потому что чужая щеколда и ничья эта калитка...

– Что говорить, Алёшенька, – поддержал дедушка разговор, – и петли бы у калитки не худо сальцем смазать, а то, того и гляди, переест их ржа и калитка на землю свалится...

– И свалится, – подтвердил Алёша, – она и так еле еле держится. Плохо, дедушка, быть чужой калиткой...

– Да уж куда хуже быть чужой калиткой, – опять согласился с внуком дед, – то ли дело наша калиточка. И синей красочкой она тобой покрашена, и петельки чистым нутряным сальцем смазаны, и щеколда у неё «трень брень», как музыка... Свое – оно и есть своё.

Тут дед посмотрел на внука, улыбнулся чему то и дальше зашагал. Прошли они сколько то – может, километр, может, два – и решили на скамейке посидеть на лесной просеке.

– А чья, дедушка, эта скамейка? – вдруг спросил Алёша.

– Ничья, – ответил дед, – чужая. Какой то человек взял да вкопал два столбика, да прибил к ним доску. Вот и получилась скамья. Кому надо – отдыхай. Никто этого человека не знает, а все спасибо ему говорят... Только скоро эта скамейка тоже, никак, кончится. Столбики у неё подопрели. Ну, так ведь чужая скамья, и никому до неё нет дела. Не то что наша у ворот, ухоженная да

покрашенная...

Тут дед снова посмотрел на Алёшу, потрепал его за розовую щёчку и опять улыбнулся чему то.

В этот день они добыли трёх тетеревов. Из них двух Алёша выследил. Дома шуму гаму было выше потолка.

– Вот так охотник растёт у нас! – нахваливает Алёшу мать. – Подстрелить тетерева всякий может, а выследить его редкий умеет.

Весёлый был ужин в этот воскресный вечер, но Алёша почему то молчал и о чём то думал.

– Устал, наверно, милый сын? – спросил Алёшу отец.

– А может, с дедом не поладил? – спросила бабушка.

– Да нет, нет, – отмахнулся Алёша, – не устал и поладил с дедушкой. Очень даже поладил.

Прошла неделя, а может быть, и две. Опять старого да малого послали в лес. Зайца наспиговать решили.

Отправились дед с внуком по первому снегу на охоту. Опять пошли через садовый питомник. Глядит дед – и глазам не верит. У чужой калитки не только щеколда на хорошие шурупы привёрнута, не только её петли белым салом смазаны, но и краска на калитке – как небо в мае месяце.

– Алёша, ты гляди, – указывает дед, – никак, у чужой калитки родня нашлась.

– Наверно, – отвечает Алёша и дальше идёт.

Шли они опять по старой дороге и на просеку вышли. Добрались до скамейки, где в прошлый раз отдыхали, а скамейки не узнать. Столбики новые вкопаны, доска той же синей краской покрашена, что и калитка, да ещё спинка у скамьи появилась.

– Вот тебе и на, – удивляется дед, – у ничьей скамейки хозяин нашёлся. Омолодил скамеечку, а спасибо сказать некому. Знай бы я этого человека, в пояс бы ему поклонился и руку бы ему пожал.

Тут дед снова заглянул в Алёшины глаза и спросил:

– А ты не знаешь, как звать этого мастера, Алексей?

– Нет, – ответил Алёша, – я не знаю его, дедушка. Знаю только, что весной наши ребята хотят школьную изгородь подновлять. Совсем покосилась. Она тоже чужая, а – наша.

– Это хорошо, – сказал дед.

– А что хорошо? – спросил Алёша.

– Хорошо, что ты мастера не знаешь, который скамью починил и чужую калитку за свою посчитал... А что касемо школьной изгороди, – сказал дед, разводя руками, – я слов подобрать не могу... Видно, приходит, Алёша, такое время, когда всё оказывается своё и наше...

Дед опять заглянул внуку в глаза.

За лесом в это время поднялось позднее зимнее солнце. Оно осветило дым далёкого завода. Алёша залюбовался золотистым, окрашенным солнцем дымом. Дед заметил это и снова заговорил:

– А завод то, Алёша, который дымит, тоже чужим кажется, если глядеть на него не подумавши... А он ведь наш, как и вся наша земля и всё, что на ней есть.

Упрямые дрова

Андрюша Усольцев в детстве много хворал, а к двенадцати годам хвори оставили его, и он стал догонять своих сверстников. Догонять – в росте, в беге, в румянце, в выносливости.

– Всем хорош внук растёт, да характера отцовского не показывает, – сокрушалась Андрюшина бабушка. – Не одними, видно, белыми кудрями в мать пошёл, но и мягким сердцем, уступчивостью.

Для внучки это всё клад, а для внука бабушке хотелось бы погуще тесто, покруче норов. Не зря же прозвали её любимца «маменькин цветочек».

И, оставшись вдвоём с Андрюшей, Варвара Егоровна как бы между прочим принялась рассказывать:

– Отец то у тебя, Андрей, в двенадцать лет боронил. За что хватался – не отпускался. Ни с пашни, ни с поля боя не бегал. В деда Андриана уродился. Характер – как берёзовый сук. Хоть ты его колуном, хоть ты его клином, а он трещит, не колется. Серьёзные дрова... А в малые годы тоже – чем только не болел. Семьдесят семь хвороб. И золотуха, и краснуха, и ветреница. А потом выровнялся...

Старуха посмотрела на притихшего задумавшегося внука, ободрила его:

– Ну да ты ещё себя покажешь. И белые волосы чернеют. И узкая ладонь может пошире стать... Нынче тише мужают: уроков много задают...

Слушая бабушку, Андрюша чувствовал обиду за свою мать. Он хотя и не был доволен своими узкими ладонями и тонкими

пальцами, но не сожалел об этом. Это были мамины руки. А в матери Андрюша любил всё, даже её некрасивую девичью фамилию – Недопёкина.

Мало ли каких обидных фамилий надавали при царях простым людям. Зато имя у матери было самое красивое на всём свете – Евгения. И отчество тоже поискать – Ильинична. А своими тонкими пальцами мать успевала подоить трёх коров, пока другие доили двух. Не такая уж она «недопёкина», как виделось бабушке.

«Нет, бабушка, – думал Андрей, – ты зря маму меньше отца любишь».

Три дня назад, уезжая в районную больницу, мать долго нацеловывала Андрюшу и наказывала быть ласковее с бабушкой. Андрюша и не был с ней груб. Только он тосковал без матери, потому что они никогда не разлучались. А тут сразу две разлуки. Вторая – с отцом. Отцу уже который год мешали осколки. А теперь он избавился от них. Выздоровливал. За ним то и поехала Андрюшина мать. Но из больницы выписывают не по желанию больного, а когда можно. Вот они и задержались, а наколотые дрова кончились. Пять поленьев на две печки осталось.

Варвара Егоровна была в таких годах, когда колоть дрова было ей затруднительно, да и не к лицу. Не женское дело. И она сказала:

– Андрюша, сбегал бы ты к Недопёкиным, позвал бы дядю Тихона. Пусть наколет нам дров, чтобы топить не оглядываться. На улице вон что мороз выделяет. А отец вернётся – хорошо топить надо.

– Сейчас, бабушка. – И, накинув шубейку, Андрюша убежал.

На улице вечерело. Старуха задремала на лежанке. А когда

проснулась, за окном было уже темно. «Не иначе час проспала», – подумала Варвара Егоровна и вспомнила о дровах.

Ни Андрея, ни дров, ни Тихона.

– Куда мог деться парень?

Услышав за окном глухой стук, откинула шторку. Посмотрела на двор.

На столбе ярко горела электрическая лампочка. В прошлом году пристроили, чтоб не спотыкаться. При таком освещении Варвара Егоровна могла разглядеть не только дровокола, но и сучья на дровах. А дрова, надо сказать, в этом году оказались кручёные, косослойные. Сук на суку, да ещё с вывертом. Это были те самые зловердные дрова, которые легче распилить продольной пилой, нежели расколоть.

Андрюша, сняв полушубок, силился вытащить топор, засаженный в тяжёлый берёзовый кругляш. От мальчика валил пар. И бабушка хотела постучать в окно и позвать внука. Но что то её остановило. И она стала смотреть на борьбу Андрюши с берёзовым чурбаном.

Как только он ни старался – топор будто вмёрз в дерево. Оставив упрямый кругляш, Андрей пошёл к поленнице и выбрал второй – полегче.

«Соображает», – подумала бабушка.

Внук принялся изо всех сил ударять принесённым кругляшом по обуху засаженного топора. Напрасно. Кругляш только отбивал руки, а топор как был, так и остался.

– Жалко, – сама себе сказала Варвара Егоровна, – не одолеть, пожалуй, ему этого чурбака. Сегодня чурку берёзовую не одолеет,

завтра от другого отступится...

Но внук делал всё новые и новые попытки вытащить топор и, когда потерял всякую надежду, решил поднять проклятое полено через себя и ударить обухом о другое полено.

– Надорвётся ещё, – испугалась Варвара Егоровна и снова хотела стукнуть в окно. Но сучковатое полено разлетелось пополам. Да так хорошо разлетелось, что старуха крикнула: – Ага, проклятущее, раскололось!..

Андрюша, не желая, привораживал бабушку к оконному стеклу. Вытерев лоб, плюнув так же, как это делал отец, в руки, мальчик занёс топор над поленом, поставленным стоя. Удар. Топор скользнул в сторону. Полено, покачнувшись, упало.

Андрюша снова поставил полено и снова ударил топором. Полено дало трещину. Бабушке показалось, что она не столько догадывается об этой трещине, сколько различает её.

Полено поднялось над головой... Удар... Удача! Дело пошло на лад. Теперь уже было легче колоть половинки на четвертинки, четвертинки – на осьминки. Теперь можно было отдохнуть. Пробежаться. Сделать два три вольных движения с вдохом и выдохом, как на зарядке.

Снова проходит час. С различным успехом Андрюша сражается с дровами. Одни разлетаются так звонко, что слышно через двойные рамы. Другие, узловатые, кривослойные поленья, супротивничают, но ни одно из упрямых поленьев Андрюша не вернул в поленицу.

Горшок с молочной лапшой давно вынут из русской печи, давно поставлена на стол тарелка, и перед ней не без умысла положена

отцовская ложка.

Наконец открывается дверь. Стужа белым паром дохнула в избу. На пороге краснощёкий дровокол с синей шишкой на лбу. Бабушка не хочет замечать синяка. Она видит только румяные щёки и блеск синих глаз.

Андрюша положил подле печки дрова совершенно так, как это всегда делал его отец. Не броском, а полено за поленом, одно к одному.

Положив так дрова, он сказал бабушке:

– Топи, мать, не оглядывайся. Пять шесть нош на дворе осталось. До субботы хватит...

Обмёл веничком валенки, повесил полушубок и спросил:

– Что у нас в печи, бабушка?

Когда Андрюша покончил с ужином, бабушка добыла из сундука старинный серебряный полтинник и принялась легонько растирать синюю шишку, приговаривая:

– Серьёзные дрова нынче нам попали... Хоть ты их колуном, хоть клином. Трещат, а не колются. Как только с ними Тихон управляется, не пойму...

Андрюша на это ответил:

– Недопёкины, они тоже с характером, бабушка, хотя у них фамилия и не такая известная, как наша с тобой.

Старуха улыбнулась и сделала вид, что не расслышала сказанного внуком. Андрей ушёл в горницу доучивать уроки.

Поздно вечером приехали отец и мать Андрюши. Радости не было края.

Мать первой заметила синяк:

– Откуда это у тебя, Андрюшенька?

– Не спрашивай лучше, – вмешалась бабушка и негромко добавила: – «Маменькины то цветочки» хорошую нынче завязь дали. Спасибо тебе за внука, Евгения.